

Линь Цзи вытаращил глаза, словно не понимая, о чём тот говорит.

Или, вернее, он всё понял, но просто отказывался верить услышанному, потому что после этих двух слов его первой инстинктивной реакцией стало желание сбежать.

Линь Синхо крепко перехватил его за запястье, и в этот момент хрупкий и нежный с виду Линь Синхо продемонстрировал пугающую силу — вырваться не было никакой возможности.

Линь Синхо легко накрыл ладонью его левую щеку, и Линь Цзи почувствовал, как тепло его сухой большой ладони нежно гладит его кожу.

Однако это тепло не передавалось дальше: он ощущал лишь жуткий холод, от которого хотелось дрожать.

— А-Цзи, — Линь Синхо больше не скрывал своих эмоций, в его глазах читалось безумное обожание. — Твое желание — чтобы Ян Гун не попал в тюрьму, мое желание — ты. Я могу помочь тебе исполнить твоё желание, и ты тоже должен помочь мне, так будет честно, правда?

Всё происходящее казалось настолько абсурдным, что Линь Цзи не знал, как реагировать, и мог лишь отчаянно мотать головой.

— Нет... Нельзя...

Линь Синхо обхватил Линь Цзи за талию и силой прижал к себе.

Ощущение тонкой талии в изгибе его руки лишило его последних крупниц рассудка. Линь Синхо уткнулся носом в изгиб шеи Линь Цзи и глубоко вдохнул.

Словно заправский наркоман, наконец-то дорвавшийся до одурманивающего мака, он издал блаженный вздох.

— Неужели ты хочешь, чтобы Ян Гун сел в тюрьму? — Линь Синхо слегка прихватил пальцами подбородок Линь Цзи, заставляя его смотреть на себя. — А-Цзи, Ян Гун вырастил тебя. Разве просто поднять на ноги ребенка, перебиваясь случайными заработками? Настал наконец момент, когда ты должен отблагодарить его за заботу, так почему же ты отказываешься?

— А-Цзи, нельзя же быть таким бессовестным.

Почувствовав, что сопротивление Линь Цзи вроде бы немного ослабло, Линь Синхо продолжил мягко увещевать:

— Да, и квартира, и работа — всё это было навязано семьей Линь, но у тебя ведь нет доказательств.

— На словах люди могут сказать всё что угодно, мало ли что ты утверждаешь! Во сколько обойдется такая квартира? Поди спроси кого угодно на улице, кто тебе поверит?

Линь Синхо повторил свою недавнюю угрозу:

— Сейчас у семьи Линь есть полный комплект вещественных и прямых доказательств того, что Ян Гун совершил подлог и мошенничество. У тебя же нет абсолютно ничего, и завтрашнее судебное заседание непременно закончится тем, что Ян Гуна признают виновным.

— Да, ты можешь подать апелляцию, но до второго слушания Ян Гун будет вынужден оставаться в изоляторе временного содержания. Я помню, что у Ян Гуна тяжелая форма ревматизма. Неужели твое сердце стерпит, чтобы он страдал в такой сырой и холодной обстановке?

— А-Цзи, ты мне нравишься. Я прошу о немногом — просто будь со мной. Посмотри сам: всего один романтический союз — и Ян Гун выходит на свободу. Какая выгодная сделка, правда?

Прежде чем губы Линь Синхо успели приблизиться к нему, Линь Цзи изо всех сил оттолкнул его:

— Нет, не пойдет.

Он изо всех сил пытался заставить себя успокоиться, но сколько бы ни старался, он действительно не мог отыскать никаких улик, способных доказать невиновность Старика Ян.

Всё было именно так, как говорил Линь Синхо: даже если бы он и сумел отыскать доказательства, разве Старик Ян мог столько ждать? Его ревматизм причинял ему столько боли...

Когда-то, узнав, что он — ребёнок из семьи Линь, Линь Цзи, конечно, обрадовался, что его биологический отец оказался таким богатым человеком.

Но если бы его прямо спросили, хочет ли он переехать к ним, он бы ответил отрицательно.

В глазах таких богачей, как семья Линь, Старик Ян был лишь приземленным, падким до выгоды мелким обывателем. Линь Цзи жил с ним, едва сводя концы с концами, и это ни в какое сравнение не шло с возвращением в семью Линь, которая могла обеспечить ему роскошную материальную жизнь и лучшие образовательные ресурсы.

Посторонним этого не ведомо, но он-то знал: Старик Ян прозябал в такой нищете исключительно ради того, чтобы растить его.

Старик Ян был электросварщиком, опытейшим мастером с десятилетним стажем. К нему не раз наведывались прорабы, предлагавшие уехать на заработки в другой регион и сулившие огромные деньги.

Но Старик Ян неизменно отказывался и предпочитал перебиваться случайными заработками дома, лишь бы успевать вовремя готовить ему горячий обед после школы.

Он не раз слышал от Старика Ян, что тот сможет спокойно заняться работой только тогда, когда он поступит в университет и начнет самостоятельную жизнь.

Как же он мог бросить Старика Ян лишь потому, что у него появился богатый отец?

Желая заставить его вернуться домой, семья Линь — после того как он отказался, сославшись на Старика Ян, — тут же похлопотала о том, чтобы устроить старика уборщиком в жилой комплекс, а в придачу подарила ему квартиру неподалеку от особняка Линь.

Тогда Старик Ян наотрез отказывался принимать эти дары, ведь согласие означало бы, что воспитываемый им десять лет сын больше не принадлежит ему. Представители семьи Линь снова и снова приходили к нему уговаривать, доказывая все плюсы и минусы возвращения Линь Цзи в семью.

В конце концов, ради лучшего будущего своего приемного сына Старик Ян сдался.

Он согласился на возвращение Линь Цзи в семью, а заодно и на эту работу уборщика вместе с квартирой.

Линь Цзи прекрасно понимал, что Старик Ян принял всё это лишь ради того, чтобы оказаться ближе к нему и иметь возможность почаще видеться.

Только вот ни те давние уговоры, ни упорное нежелание Старика Ян тогда никто не видел.

И действительно, как и утверждал Линь Синхо, никто не мог подтвердить, что эта работа была навязана Старику Ян семьей Линь.

Зато у семьи Линь имелись документы на передачу недвижимости, и бог знает где раздобытые ими показания свидетелей — на их стороне было предостаточно улик.

Получив отпор, Линь Синхо не стал лезть с новыми распитиями и просто сидел на краешке кровати, невозмутимо наблюдая за колебаниями и сомнениями Линь Цзи.

Он даже по-доброму подкинул идею:

— Твой отказ вполне естественен, это я повел себя слишком резко, прости меня.

— Давай поступим так, А-Цзи: завтра утром ты сходишь поговорить с папой и мамой, узнаешь, не согласятся ли они отказаться от передачи улик в суд... Или, может быть, рассказать им всё как было на самом деле?

— Только что отец и мать были на эмоциях, возможно, завтра, когда они остынут, ты поговоришь с ними снова, и они согласятся.

— В конце концов, они ведь сами настаивали на том, чтобы Старик Ян принял эту работу, не могут же они быть настолько неразумными?

<http://bllate.org/book/27834/3375821>